



РАСШИФРОВАННАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ПРЕДИСЛОВИЕ



Лермонтов в жизни, Лермонтов — человек и поэт, как он рисуется в представлении современников, в официальных свидетельствах и документах, на фоне подлинных исторических материалов эпохи. Восстановить этот образ в воображении современного читателя — вот задача настоящей книги.

Книга рассчитана на широкий круг читателей и не является, конечно, ученым исследованием, но предлагает результаты научного изучения биографических материалов о Лермонтове. По принципу построения наша книга расходится с аналогичной по заданию книгой В. В. Вересаева «Пушкин в жизни». Со всей решительностью мы отвергаем принципиальную установку В. В. Вересаева, высказанную им в следующих словах: «Критическое отсеивание материала противоречило бы самой задаче этой книги. Я, напротив, старался быть возможно менее строгим и стремился дать в предлагаемой сводке возможно все дошедшее до нас о Пушкине, кроме лишь явно выдуманного». Вместе с тем Вересаев сознательно отказывается от внесения в книгу поэтических показаний Пушкина, хотя бы носящих явно автобиографический характер. Подход В. В. Вересаева представляется нам абсолютно не научным, и «беспристрастность» Вересаева сильно смахивает на выпуклую беспринципность. Нужно ли еще доказывать, что всякий исторический материал вообще, а биогра-



фический в особенности, требует критического к себе отношения? Нужно ли доказывать необходимость чисто исследовательской работы, выражающейся в критике и сопоставлении показаний современников даже для такого рода книги, как наша, которая предназначается только для чтения и не претендует на научную значимость? Нужно ли доказывать, что всякая книга, в том числе и популярная книга для чтения, должна быть сделана из добросовестного и проверенного материала?

Материалами для настоящей книги послужили:

1) воспоминания, письма и дневники современников, встречавших и лично знавших Лермонтова, а также не дошедшие до нас устные рассказы современников, использованные биографами (главным образом П. А. Висковатым);

2) подлинные официальные дела и документы, имеющие непосредственное отношение к Лермонтову;

3) переписка Лермонтова (письма Лермонтова и к Лермонтову);

4) записи Лермонтова, носящие несомненный автобиографический характер, а также отрывки из его произведений, иллюстрирующие основной текст книги.

Этими записями и поэтическими произведениями мы считали возможным пользоваться в некоторых случаях. Действительно, почему мы должны больше доверять даже очень добросовестной записи какого-нибудь Вульфа, который видел Лермонтова всего один раз в жизни, и совершенно пренебрегать юношескими записями поэта, разбросанными в его ученических тетрадях, или даже отрывками из его произведений, которые, при сопоставлении с другими достоверными историческими материалами, оказываются явно автобиографическими и только ярче раскрывают (не снаружи, а изнутри) литературный и бытовой облик Лермонтова?..

В виде исключения мы цитируем изложение биографов Лермонтова (гл. обр. П. А. Висковатого), всегда выделяя такие цитаты более частым набором.



В тех случаях, когда ввиду отсутствия соответствующих доброкачественных материалов по композиции книги нам приходилось обращаться и к сомнительным источникам, мы всякий раз оговариваем их сомнительность в примечаниях.

Нам казалось уместным введение в книгу целого ряда стихотворных произведений и отрывков, которые нужны по контексту книги, в тех случаях, когда кто-либо из современников цитирует или комментирует то или иное стихотворение и когда его показания остаются непонятными или скучными без освежения в памяти читателя того стихотворного отрывка, о котором идет речь, а надеяться, что всякий раз читатель обратится непосредственно к сочинениям Лермонтова, вряд ли возможно. Так, например, даже общеизвестные стихи «На смерть поэта» (Пушкина) оказалось нужным дать в той редакции и в том виде, как они фигурировали в судебном деле, значительно повлиявшем на дальнейшую судьбу Лермонтова и его друга С. А. Раевского.

Помимо появившихся в печати, нами использованы и впервые напечатаны материалы, еще не опубликованные. Таковы:

1) «Сообщение отставного полковника Леонида Ангельевича Сидера о кончине М. Ю. Лермонтова», любезно предоставленное нам для воспроизведения Д. С. Усовым.

2) Письмо Е. А. Арсеньевой к преподавателю Лермонтова Петухову (из собраний Пушкинского Дома).

3) Официальные документы в подлинниках или копиях, находящиеся в рукописных собраниях Лермонтовского музея, ныне вошедшего в Пушкинский Дом. Среди них упомянем следующие: дословные выписки из приказов по Школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, дословные выписки из высочайших приказов о производстве Лермонтова, два патента: один — на чин поручика, другой — на чин корнета, приказы по отдельному гвардейскому корпусу.



4) Судебное дело 1837 г. (о стихах на смерть Пушкина), 1840 г. (дуэль с Барантом), 1841 г. (последняя дуэль); отсюда извлечен целый ряд неопубликованных документов, а остальные, опубликованные ранее, заново сверены с подлинным текстом и в некоторых случаях, где это требовалось, исправлены.

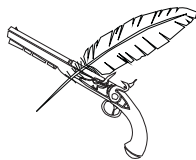
Наконец, нами пересмотрены все рукописные тетради (и копии с них), хранящиеся в собраниях Пушкинского Дома. Все, даже ранее опубликованные, заметки снова сверены и напечатаны нами по тексту этих тетрадей.

Этим не исчерпывается весь список новых материалов. Все вновь опубликованные материалы отмечены в тексте соответственными примечаниями. Датировка всюду дана по старому стилю, орфография — новая, без сохранения пунктуации. Лишь в документах, которые публикуются впервые, сохранены особенности правописания подлинников, что, впрочем, всегда оговорено в соответствующих примечаниях.

Считаю необходимым благодарить сотрудников Пушкинского Дома за предоставление рукописных материалов.

Моим помощником в работе над этой книгой был В. А. Мануйлов: он принимал участие в отборе и распределении материала.

П. Щеголев



ЧАСТЬ 1



ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ

1814–1832

Москва — моя родина, и такою будет для меня всегда: там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив.

Перевод из французского письма Лермонтова к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г.

Москва, Москва!.. Люблю тебя как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
«Сашка»

Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.
До времени отвыкнув от игры,
Он жадному сомнению сердце предал,
И, презрев детства милые дары,
Он начал думать, строить мир воздушный
И в нем терялся мыслию послушной.
«Сашка»

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА

- 1814.** В ночь со 2 на 3 октября в Москве родился М. Ю. Лермонтов.
- 1814–1827.** Жизнь Лермонтова в селе Тарханы (Пензенской губ., Чембарского уезда) вместе с бабушкой.
- 1817.** 24 февраля. Скончалась Марья Михайловна Лермонтова, мать поэта.
- 1825.** Летом. Поездка Лермонтова на Кавказ, в Пятигорск, с бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, кузинами



- Столыпинами, домашним учителем Иваном Капэ, гувернанткой Христиной Ремер и др. Первая любовь Лермонтова.
- 1827.** *Летом.* 12-летний Лермонтов в Ефремовской деревне (Кропотово) гостит у отца и во второй раз влюбляется.
- 1827.** *Осенью.* Переезд Елизаветы Алексеевны Арсеньевой с внуком в Москву и подготовка его в пансион.
- 1827.** *27 октября* Арсеньевой выдано Московской духовной консисторией свидетельство о рождении и крещении внука Михаила, а также о том, что тот может быть принят к воспитанию в казенные заведения.
- 1828.** Лермонтов принят в 4-й класс Благородного пансиона при Московском университете.
- 1828.** *13–20 декабря.* Лермонтов держит переходные экзамены в Благородном пансионе.
- 1828.** Первые дошедшие до нас стихотворения Лермонтова и три поэмы: «Черкесы», «Кавказский пленник» и «Корсар».
- 1829.** В пансионе Лермонтовым написан первый очерк «Демона».
- 1829.** *10–21 декабря.* Лермонтов с успехом держит испытания воспитанников Благородного пансиона.
- 1830.** В начале года в пансионе Лермонтов пишет второй очерк «Демона».
- 1830.** *16 апреля.* Увольнение Лермонтова из Благородного пансиона по прошению.
- 1830.** Знакомство Лермонтова (в Москве и летом в Середниково) с Екатериной Сушковой. Цикл стихотворений, посвященных Сушковой.
- 1830.** *1 сентября.* Поступление в Московский университет.
- 1830.** *Осенью.* Холера в Москве.
- 1831.** *28 января.* Духовное завещание Юрия Петровича Лермонтова, отца поэта.
- 1831.** *16 марта.* История с проф. Маловым в Московском университете.
- 1832 (?)**. Смерть Юрия Петровича Лермонтова.
- 1832.** *1 июня.* Прошение в правление Московского университета от своекоштного студента Михаила Лермонтова об увольнении его «по домашним обстоятельствам» и о снабжении надлежащим свидетельством для перевода в Петербургский университет.
- 1832.** *18 июня.* Свидетельство об увольнении Михаила Лермонтова из Московского университета «по прошению».
- 1832.** *Осенью.* Переезд Лермонтова с бабушкой в Петербург.

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ

СВИДЕТЕЛЬСТВО ¹

из Московской Духовной Консistorии вдове гвардии поручице Елизавете Алексеевой Арсеньевой в том, что вы, Арсеньева, просили дать вам свидетельство о рождении и крещении внука вашего родного, капитана Юрия Петровича Лермантова сына Михаила, прижитого им от законного брака, для отдачи его к наукам и воспитанию в казенные заведения, а потом и в службу, где принят быть может, объявляя, что родился он в Москве, в приходе церкви Трех Святителей, что у Красных Ворот, 1814 года октября 2 дня. По справке в Консistorии оказалось, в метрических упоминаемой Трех-Святительской, что у Красных ворот, церкви тысяча восемьсот четырнадцатого года книгах написано так: *«Октября 2-го в доме господина покойного генерал-майора и кавалера Федора Николаевича Толя у живущего капитана Юрия Петровича Лермантова родился сын Михаил. Молитвовал протоиерей Николай Петров, с дьячком Яковым Федоровым, крещен того же октября 11 дня, восприемником был господин коллежский асессор Васильев, Хотяиницов, восприемницею была вдовствующая госпожа гвардии поручица Елисавета Алексеевна Арсеньева. Оное крещение исправляли протоиерей Николай Петров, дьякон Петр Федоров, дьячок Яков Федоров, пономарь Алексей Ни-*

¹ Печатаем с сохранением особенностей орфографии подлинника, хранящегося в собраниях Пушкинского Дома.



кифоров. Почему Московскою Духовною Консисто-
риею определено вам, вдове гвардии поручице Арсе-
ньевой, с прописанием явствующей справки дать (и
дано) сие свидетельство для прописанной надобно-
сти: октября 25 дня 1827 года.

На подлинном подписали: Николо-Лесновский
протоиерей Иоанн Иоаннов, секретарь Савва Смире-
нов, повытчик Александр Лисицын.

С подлинным верно: коллежский регистратор Бо-
рисов.

*Подлинное свидетельство получил обратно студент
Михаил Лермонтов».*

У сего свидетельства
Его Императорского Величества
Московской Духовной Консистории
печать.

[Висковатый. Приложения, стр. 2]

*

Вероятно, дом Толя впоследствии перешел во вла-
дение купца Бурова. По объяснению местного Трех-
святительской церкви, что у Красных Ворот, священ-
ника: дом Бурова перешел во владение иностранца
Пенанд, который владел домом лет шесть и продал его
коллежскому секретарю Григорию Филипповичу Го-
ликову. Этот и доселе владеет домом. Я был на месте,
где дом Голикова. Если ехать от дебаркадера Нико-
лаевской железной дороги, то, приближаясь к Крас-
ным Воротам, по правой руке, против самых Красных
Ворот, на углу вы бы увидели, по-нашему, огромный
каменный дом, в три этажа, беловатого цвета. Это —
дом Голикова; этим домом начинается Садовая улица,
ведущая к Сухаревой Башне... Дом Голикова на своем
углу имеет балкон. Замечателен протоиерей Николай
Петрович Другов, крестивший поэта Лермонтова. Он,
в свое время, пользовался особой славой в духовном



мире...¹ Да и церковь, в которой поэт крещен, замечательна — она была патриаршая.

[Н. П. Розанов. «Русская Старина», 1873 г., VIII, стр. 113–114]

*

Малютка и мать его были окружены всевозможными заботами. Из Тархан², уже вперед, до срока, прислали двух крестьянок с грудными младенцами. Врачи выбрали из них Лукерью Алексеевну в кормилицы к новорожденному. Она долго потом жила на хлебах в Тарханах, и Михаил Юрьевич, уже взрослым, не раз навещал ее там, справлялся о житье-бытье и привозил подарки.

Из Москвы Лермонтовы с бабушкой и грудным ребенком своим вернулись в Тарханы, и Юрий Петрович выезжал из них лишь иногда, по хозяйственным делам, то в Москву, то в Тульское имение.

Супружеская жизнь Лермонтовых не была особенно счастливою; скоро даже, кажется, произошел разрыв, или по крайней мере сильные недоразумения между супругами. Что было причиною их, при существующих данных, определить невозможно. Юрий Петрович охладил к жене. Может быть, как это случается, ревнивая любовь матери к дочке, при недоброжелательстве к мужу ее, усугубила недоразумения между ними. Может быть, распушенность помещичьих нравов того времени сделала свое, но только в доме Юрия Петровича очутилась особа, занявшая место, на которое имела право только жена. Звали ее Юлией Ивановной, и была она в доме Арсеньевых в Тульском их имении, где увлекся нежным к ней чувством один из членов семьи. Охраняя его от чар Юлии Ивановны, последнюю передали в Тарханы, в каче-

¹ Биография его помещена в московском духовном журнале «Душеполезное Чтение», 1868 г., т. VI.

² Тарханы — имение бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой в Чембарском уезде Пензенской губ.



стве якобы компаньонки Марьи Михайловны. Здесь ею увлекся Юрий Петрович, от которого ревнивая мать старалась отвлечь горячо любящую дочку. Этот эпизод дал повод Арсеньевой сожалеть бедную Машу и осыпать упреками ее мужа. Елизавета Алексеевна чернила перед дочерью зятя своего, и взаимные отношения между супругами стали невыносимы. Временная отлучка Юрия Петровича, поступившего в ополчение, не поправила их.

*[П. Н. Журавлев в передаче Висковатого,
стр. 13–14]*

*

Если сопоставить немногосложные известия о Юрии Петровиче¹, то это был человек добрый, мягкий, но вспыльчивый, самодур, и эта вспыльчивость, при легко воспламеняющейся натуре, могла доводить его до суровости и подавала повод к весьма грубым и диким проявлениям, несовместным даже с условиями порядочности. Следовавшие затем раскаяние и сожаление о случившемся не всегда были в состоянии выкупать совершившегося, но, конечно, могли возбуждать глубокое сожаление к Юрию Петровичу, а такое сожаление всегда близко к симпатии.

Немногие помнящие Юрия Петровича называют его красавцем, блондином, сильно нравившимся женщинам, привлекательным в обществе, веселым собеседником, «*bon vivant*», как называет его воспитатель Лермонтова г. Зиновьев. Крепостной люд называл его «добрым, даже очень добрым баринном».

¹ Отец поэта Юрий Петрович Лермонтов родился в 1787 году. По окончании курса в Первом Кадетском корпусе он поступил на службу в Кексгольмский пехотный полк, а оттуда перешел в свой родной корпус; в 1811 г. в чине капитана он вышел в отставку по болезни и поселился с сестрами в своем родовом имении Кропотово, Ефремовского уезда Тульской губернии. Здесь-то и произошло знакомство с будущей женой Марьей Михайловной Арсеньевой, соседкой по имению.



Все эти качества должны были быть весьма не по нутру Арсеньевой. Род Столыпиных отличался строгим выполнением принятых на себя обязанностей, рыцарским чувством и чрезвычайной выдержкою... В Юрии Петровиче выдержки-то именно и не было. Старожилы рассказывают, как во время одной поездки с женою всплывший Юрий Петрович поднял на нее руку.

Факт этого грубого обращения был последнею каплей полыни в супружеской жизни Лермонтовых. Она расстроилась, хотя супруги, избегая раскрытой распри, по-прежнему оставались жить с бабушкой в Тарханах.

[Висковатый, стр. 14–15]

*

Марья Михайловна, родившаяся ребенком слабым и болезненным, и взрослою все еще глядела хрупким, нервным созданием. Передряги с мужем, конечно, не были такого свойства, чтобы благотворно действовать на ее организм. Она стала хворать. В Тарханах долго помнили, как тихая, бледная барыня, сопровождаемая мальчиком-слугою, носившим за нею лекарственные снадобья, переходила от одного крестьянского двора к другому с утешением и помощью, — помнили, как возилась она с болезненным сыном. И любовь, и горе выплакала она над его головой. Марья Михайловна была одарена душою музыкальною.

[Висковатый, стр. 15]

*

1830. Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать.

*[Лермонтов. Акад. изд., т. IV, стр. 350.
Из VI тетр. автогр. Лерм. муз., л. 32 об.]*



*

Внешность альбома М. М. Лермонтовой¹ довольно изящна. Он переплетен в красный сафьян, по краям его золотой бордюр, застегивается он серебряною застежкой, и застежка эта не простая, а имеет форму бабочки, на головку которой падает застежка.

Все содержание альбома состоит более из нежных стихотворений, частью на французском, а большею частью на русском языке. Стихи эти писались с 1811 года подругами и знакомцами Марии Михайловны и в Москве, и на Кавказе, и в Петербурге, и в деревне. Конечно, в них господствуют любовь, благожелания и т. д. Есть стихи, написанные и рукою самой Марьи Михайловны, есть и строки ее мамы, т. е. бабушки и воспитательницы поэта, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, урожденной Столыпной. Но дело все в том, что этим альбомом, как оказывается, поэт забавлялся и в младенчестве и в зрелых годах. Быв десяти лет, он, например, нарисовал здесь, разумеется с дозволения бабушки, кавказские горы, и из подписи, сделанной его детскою рукою, видно, что этот альбом мальчик-поэт возил с собою в дорогу. В зрелые годы поэт отсюда брал мысли для своих поэм и сюда торопливою рукою набрасывал картины природы, его вдохновлявшие. По всему видно, что поэт любил книжку, некогда принадлежавшую его покойной матери.

[Н. Рыбкин. «Исторический Вестник», 1881 г., т. VI, стр. 374–375]

*

На обороте 1-й страницы рукою Марьи Михайловны Лермонтовой написано:

¹ В 1881 г. Н. Рыбкин описал альбом М. М. Лермонтовой, хранившийся тогда у полковника А. П. Шан-Гирея. Ныне остатки этого альбома (из 45 листов уцелело лишь 9) хранятся в Пушкинском Доме и выставлены в одной из Лермонтовских витрин.



«Вы пишете потому, что хотите писать. Для вас это забава, развлечение. Но я, искренно любящая вас, пишу только для того, чтобы сказать вам о своей любви. Я люблю вас. Эти слова стоят поэмы, когда сердце диктует их».

На 13-й странице помещена элегия на русском языке, писанная рукою М. М. Лермонтовой:

О злодей, злодей — чужая сторона,
Разлучила с другом милым ты меня,
Разлучила с сердцем радость и покой,
Помрачила ясный взор моих очей,
Как туманы в осень солнышко мрачат...
Но с любовью ты не можешь разлучить,
Она в сердце глубоко лежит моем,
С ней расстанусь разве только лишь тогда,
Как опустят в мать-сыру землю меня.
Для того ль, мой друг, свыкались мы с тобой,
Для того ль я сердцу радость дал вкусить,
Чтобы бедное изныло от тоски
Так, как былие без дождичка в степи.
Ах, я видел, как ручей катил струи
По долине меж цветущих берегов;
Вдруг повеял ветер буйный с стороны,
Отделилася потоком полоса,
Понесло ее по камням вниз горы,
Раздробилася на мелкие брызги
И иссохла, удаляясь от ручья.
Видно, участь ждет подобная меня,
Так изноет сердце в горести, в тоске,
Живучи без милой в дальней стороне.

М. Лермонтова

*

На стр. 15 надпись бабушки Лермонтова для Марьи Михайловны: «Милой Машеньке. Чего пожелать тебе, мой друг? Здоровья — вот единственная вещь, которой



недостает для счастья друзей твоих. Прощай и уверена
будь в истинной любви Елизаветы Арсеньевой».

На 17-й странице следующие стихи по-русски:

В разлуке сердце унывает,
Надежда ж бедному твердит:
На время рок нас разлучает,
Навеки дружба соединит.

М. Лермонтова

*

Стр. 90. Эта страница в альбоме последняя. На ней
Марья Михайловна Лермонтова собственноручно на-
писала следующее:

«Кто любит тебя более, тот пусть напишет свое
имя на следующей странице».

*[Н. Рыбкин (описание альбома М. М. Лермонтовой). «Исторический
Вестник», 1881 г., т. VI, стр. 373–377]*

*

Наконец, злая чахотка, давно стоявшая настороже,
охватила слабую грудь молодой женщины. Пока она
еще держалась на ногах, люди видели ее бродящею по
комнатам господского дома, с заложенными назад рука-
ми. Трудно бывало ей напевать обычную песню над ко-
лыбелью Миши. Постучалась весна в дверь природы, а
смерть — к Марье Михайловне, и она слегла. Муж в это
время был в Москве. Ему дали знать, и он прибыл с док-
тором накануне рокового дня. Спасти больную нельзя
было. Она скончалась на другой день по приезде мужа.
Ее схоронили возле отца, и на поставленном матерью
мраморном памятнике еще и теперь читается надпись:

Под камнем сим лежит тело
Марии Михайловны ЛЕРМОНТОВОЙ,
урожденной Арсеньевой,
скончавшейся 1817 года, февраля 24 дня, в субботу.
Житие ей было 21 год, 11 месяцев и 7 дней